

**Митрополит
Антоний Сурожский**

ДЕТИ И СМЕРТЬ

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

МОСКВА, 2016

Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р16-618-0668.

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Антоний, митрополит Суражский.

Дети и смерть / Пер. с англ. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Суражского», Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», 2016. – 52 с.

Как нам быть перед лицом смерти и страдания детей? Ребенок тяжело болеет и умирает – что противопоставить разрушительной силе горя? Можно ли подготовить ребенка к встрече со смертью? Как воспитать в детях здоровое отношение к жизни – и к смерти? Об этих и других вопросах рассуждает митрополит Суражский Антоний (1914–2003), который не раз встречал смерть и страдания лицом к лицу. Он провел 4 года на войне в качестве военного хирурга, работал врачом во французском Сопротивлении, заботился о бывших узниках концлагерей, 54 года делил радость жизни и горе утрат своих духовных детей, близких друзей и тысяч обращавшихся к нему людей. Глубокая душевная мудрость и многолетний опыт митрополита Антония – бесценная помощь для родителей, которым дети задают вопросы, для близких, воспитателей и медицинских работников, ухаживающих за больными детьми.

Страдание и смерть детей¹

Имеем ли мы дело с детьми или со взрослыми в момент боли, страдания, мы никогда не должны забывать тех, кто их окружает. У детей есть родители, у взрослых — супруги, семьи, и не всегда тяжелее тому именно, кто несет страдание. Можно сказать, что тот, кто страдает физически или терзается душой, весь занят своей тревогой или болью, она поглощает все его духовные и прочие силы, в то время как окружающие его, особенно если они сознают свое бессилие помочь, проходят через очень сложные и мучительные переживания.

Я хотел бы сказать нечто о страдании и смерти детей, хотя это в большой мере относится и к взрослым, — не только к страдающему ребенку, но и к его родителям, друзьям, людям, которые сами не страдают, но кого происходящее затрагивает. Мы не можем подходить к этому вопросу, если у нас нет позиции, критерия для оценки страдания, смерти и жизни. Одна из причин, почему мы так беспомощны перед лицом страдания — в частно-

¹ Выступление в Обществе Младенца Христа в ноябре 1971 года. Стэнмор, Мидлсекс / Пер. с англ. Е.Л. Майданович.

сти детей, но также и взрослых, — заключается в том, что у нас нет определенной точки зрения на страдание. Мы оказываемся в некоей ситуации, не составив себе мнения, что же мы думаем об испытании как таковом. В наши дни принято считать, что страдание — зло, что его надо избегать, облегчать, отстранять как можно радикальнее. Это приводит, я думаю, к трусости: люди боятся страдания, и этот страх порой более разрушителен, чем само страдание.

Я был врачом около пятнадцати лет, так что у меня есть личный опыт того, как такое отношение к страданию проявляется в больницах и за их стенами. Как правило, человеку внушают: нет никакого основания вам страдать, жизнь должна быть гладкой, все должно быть хорошо, страдание — зло... Поэтому, сталкиваясь со страданием, большинство людей воспринимают это как несправедливость судьбы, как нечто, чего не должно быть. Все это рассматривается как то, что страховые полисы называют деяниями Божиими. Выражение это поразительно, потому что если вникнуть, что именно под этим подразумевают, то оказывается, что это те ужасы и гадости, которых человек не сделает, — для этого нужен Бог... Очень часто так же рассматривается и страдание. Ни один человек не причинил бы его, тогда как Бог его допускает.

Страдание рассматривается как абсолютно злое, дурное, а Бог ничего не предпринимает. В результате люди бывают лишены и мужественного подхода к страданию как таковому, и реальной помощи, которую могли бы получить от Бога, если бы не считали в первую очередь именно Его ответственным за все свои несчастья.

Порой ко мне приходят люди с жалобами на свою жизнь. В большинстве случаев они объясняют свою отрицательную реакцию на ее обстоятельства, фактически говоря: «Вот, Бог допустил то-то и то-то; я был бы святым, если бы Бог не сделал мою жизнь невыносимой!» Часто, перед тем как дать разрешительную молитву, я говорю: «Теперь, прежде чем принять прощение от Бога, готовы ли вы простить Ему все содеянное Им зло? — потому что из ваших слов следует, что причина всех зол — Он». Именно так люди обычно реагируют на страдание — свое собственное и окружающих людей.

Разумеется, я не считаю, что страдание и смерть хороши сами по себе. Но они не являются и односторонним актом Божией жестокости; жизнь на земле гораздо сложнее подобного представления. Бог, Его воля, Его мудрость и Его любовь очень существенны. Силы тьмы играют свою роль, и у человека своя роль между злом,

которое могло или может вторгнуться в мир, и добром, которое может покорить его. У человека страшная власть позволить тому или другому одержать верх. Так что когда нам встречается страдание или какое-либо зло, недостаточно обернуться к Богу с обвинением или с жалобой. Мы должны отдавать себе отчет в том, что ситуация определяется человеческим злом столько же, сколько и другими факторами. Существует коллективная ответственность за конкретное страдание, которую мы должны принять и нести вместе.

В страдании взрослых легче усмотреть приносимую им пользу, чем при страдании детей. В трудностях куется характер. Лишь в страдании можем мы научиться терпению, выдержке, мужеству. Перед лицом страдания других людей мы можем достичь той глубины веры или самоотвержения, какой иначе достичь бы не смогли. Не взбунтоваться, не запротестовать, а вырасти в гармонии с путями Божиими невозможно без вызова.

Вспомните Распятие: Мать Божию стояла у Креста и не произнесла ни слова в защиту Своего умирающего Божественного Сына. Она не обвиняла тех, кто Его осудил, не восставала против тех, кто с любопытством или безразлично окружал Крест. Она не проронила ни слова. Она принимала смерть Своего Сына с той же со-

вершенной верой и открытой покорностью, с какими Она приняла Его воплощение. Это касается всех, кто стоит рядом со страданием, — всех нас. В этом отношении Матерь Божия должна быть для нас образцом и примером. На протяжении всего Евангелия мы видим, как Она дает Своему Сыну идти Его путем; а путь этот, вся судьба Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, — трагична. Нам важно помнить Ее пример, когда кто-либо, кто нам дорог, вступает в боль, страдание, муку.

Страдание детей нас больше озадачивает, чем страдание взрослых, потому что в страдании взрослого человека легче увидеть возможность пользы от него при условии, что человек вырастет в полную меру своего призвания. Но что же ребенок? Может ли страдающий ребенок научиться чему-то подлинно ценному: терпению и смирению, мужеству и выдержке, доверчивой покорности? Мне вспоминается ребенок, о котором говорится в жизни французского святого XIX века. Этот священник спросил мальчика лет девяти, как он может переносить мучительную болезнь, которая в конце концов свела его в могилу. Тот ответил: «Отец, я научился не ощущать сегодня вчерашнего страдания и не предвидеть завтрашнего». На такое способны очень не-

многие взрослые, ибо страдание — будь то нравственная мука, душевные переживания или физическая боль — обычно становится невыносимым, потому что в каждый момент мы как бы живем и переживаем все уже прошедшие моменты боли и страдания и в каждый момент ожидаем, что так будет вечно, что оно никогда не кончится. И мы не в состоянии противостоять всему прошлому и будущему страданию, хотя в большинстве случаев могли бы противостоять конкретному страданию нашего тела или нашей души в данный момент.

Этот пример говорит о ребенке девяти лет. Что же с детьми моложе, которые еще не способны рассуждать таким образом? Может ли страдание что-то значить для их бессмертной души или оно — сплошная бессмыслица и жестокость? Мы склонны думать, что наш духовный рост происходит при посредстве разума, осознанного отклика, путем интеллектуального возрастания. Мы воображаем, что наша духовная жизнь состоит из раскрывающихся в нас возвышенных мыслей и глубоких чувств. Но не в этом духовная жизнь, не это — жизнь Духа. Это — та промежуточная область, которая не принадлежит ни телу, ни духу. Я поясню свои слова сравнением. Мы крестим ребенка. Чего мы ожидаем — если вообще ожи-

даем чего-либо? Почему мы считаем, что в этом есть смысл? Потому что мы верим, что, осознанно или нет, живой дух, живая душа ребенка способна встретиться лицом к лицу Живого Бога. Независимо от всякого психологического восприятия, всякого интеллектуального или эмоционального отклика, живая душа встречает Живого Бога, и таинства Церкви обращены к этой живой душе, которая в своем познании Бога не зависит ни от интеллекта, ни от сознания.

Но если это так, то это же верно в отношении всего того, что происходит в теле или душе ребенка еще до того момента, когда он может осознавать случающееся на интеллектуальном уровне. Что касается взрослых, из того, что я видел, мне кажется, что это же относится к тем, кто душевно болен, кого не докричатся, кто как будто совершенно отгорожен от окружающего мира. Они могут выздороветь, и мы встречаем их не там, не такими, с какими расстаемся: эти люди созрели и переросли себя, как будто за пеленой безумия, сумасшествия жизнь Духа продолжалась, потому что Бога нельзя удержать или отстранить тем, что происходит у нас в уме или в эмоциях. Бог имеет непосредственный доступ к человеку. Бог встречает человека на уровне его души, который в конечном итоге есть уровень молчания, того, что

за пределом слов: на уровне Таинств, на уровне того, что может быть познано изнутри молчания, но что нельзя выразить иначе как символически.

Следовательно, если болен ребенок в том возрасте, когда мы не можем ожидать, что он будет сознательно понимать происходящее, когда он еще не способен научиться тому, что требует воли, интеллекта, зрелости чувств, активной веры, активного принятия, то это не означает, что происходящее с ним в теле никуда не ведет, что оно не станет положительным событием или положительным вкладом в его вечную жизнь. И это, я думаю, особенно важно осознать родителям, взрослым, когда с ребенком как будто нет контакта, как в случае умственно недоразвитых детей. Есть предел общению в слове, но нет предела другим формам общения. В конечном итоге и встреча двух людей происходит за пределом слов, она происходит там, где Бог.

Мы, в Православной церкви, настаиваем, что беременная женщина должна исповедоваться, должна выправить свою жизнь, причащаться, молиться, потому что связь, существующая между нею и ребенком, такова, что все случающееся с ней случается и с ребенком. Когда ребенок родился, мы ожидаем, что родители молятся над ним. Мы крестим, миропомазуем и причащаем мла-

денцев по той же причине, о которой я говорил выше: потому что Живой Бог может встретить Свое живое создание на той глубине, которая далеко за пределами всех способов человеческого общения. Когда ребенок болен, вне сознательной как бы досягаемости, все еще остается возможность молиться над этим ребенком, молиться о нем, держать его перед Богом и приобщать его таинствам Церкви. Если бы родители и окружающие такого ребенка люди чаще это осознавали, если бы, вместо того чтобы стараться пробиться через непроходимую стену, они погружались в те глубины, где мы все встречаемся в Боге, то могла бы возникнуть ощутимая взаимосвязь, которая стала бы началом вечного взаимоотношения.

Это же относится и к смерти. Бог не есть Бог мертвых. Он есть Бог живых. И если мы живем в Боге, мы живем в близости друг с другом. Часто, когда из этой жизни уходит ребенок (это же относится и к смерти взрослого человека), родители переживают двойное горе. С одной стороны, умер ребенок. Нет больше физического присутствия, нет непосредственного физического общения. Но кроме того, мы странным образом воображаем, что ребенок, умерший младенцем, навсегда им и останется, что он останется вне сознательного контакта, потому что на земле он не

развил того интеллекта, который позволяет общение, и тех эмоций, которые нас связывают. Но ведь это живая душа, живущая в Живом Боге и Его силой, и если бы только мы могли достичь глубин собственной души, собственного духа, мы могли бы бесстрашно нести уверенность, что ничто не может разлучить нас. Когда наступит полнота времен, мы встретимся не на уровне нашего психологического богатства или бедности, мы встретимся — дух с духом и душа с душой; это мы должны бы осознать уже теперь, на этой земле. Наши взаимоотношения с теми, кто ушел из этой жизни, не в прошлом и не в будущем: они в настоящем — в том мгновении, которое является настоящим мигом и которое есть место встречи с Вечностью, то есть с Богом. Наши отношения с теми, кто ушел из этой жизни, строятся в настоящем, и они принадлежат именно категории вечности, а не времени. Да, действительно, нет физической встречи, физического прикосновения, но в любом случае — не таков уровень нашего взаимообщения. Даже в теперешнем нашем состоянии, когда между нами есть отношения, они не просто обусловлены взаимопониманием, обменом на уровне слов, языка, символов. У нас есть взаимопонимание и отношения в той мере, в какой мы встречаемся в молчании, на глу-

бине, душа с душой. В каком-то смысле подлинное общение начинается там, где все способы общения отстранены. Подлинное взаимопонимание находится за пределом слов. Когда страдает ребенок, мы актом веры должны принять его способность вырасти в более тесную близость с Богом, потому что он — живая душа, и мы должны быть уверены, что то, что с ним происходит, не напрасно. Когда дети уходят из жизни, мы должны помнить, что Бог есть Бог живых.

При всем том нельзя недооценивать прикосновение, физический контакт. Почти все религиозные обряды осуществляются через контакт: возложение рук, благословение — столь многое совершается физически; и мы должны осознавать и воспринимать духовное качество нашего тела. Без тела мы не могли бы причащаться таинству Тела и Крови Христовых, не могли бы приблизиться к Богу. Через посредство тела и благодаря тому, что оно представляет, чем является, мы можем иметь это соединение со Христом и Богом. В человеческих взаимоотношениях прикосновение играет колоссальную роль. Столько сострадания, любви, нежности можно передать прикосновением руки, не словами и речами, а положив руки на плечи человека... Это тем более относится к больным детям. Или, вернее, нет, не только

к детям — потому что в тяжелой, серьезной болезни каждый вновь становится ребенком. Прикосновением может быть передано столь многое — таинственное, священное или просто человеческое (что тоже является священным и таинственным); и этому следует научить родителей больных детей: где бессильны слова, где нет как будто пути к общению, есть таинственный путь передачи непередаваемого, того, что невозможно выразить. Любовь, нежность, сострадание, но также веру и доверие — все это можно вложить в жесты и прикосновения, в то, как мы обращаемся с телом.

Нам приходится иметь дело не только с больным ребенком, но и с теми, кто в горе окружают его. Вместо того чтобы погрузиться в печаль, отдаться ее поглощающей и разрушительной власти, они верой должны познать, что участвуют в таинстве, в ситуации, где кончается человеческая сила и властно вступает Сила Божественная, создавая Царство, в котором каждый ребенок (а все мы — чьи-то дети) участвует так или иначе в тайне Господа Иисуса Христа, родившегося во временный мир, чтобы умереть и через Свою смерть открыть нам несокрушимую жизнь вечную.

Как подвести ребенка к встрече со смертью?²

Никто из живых не знает, что такое смерть, и потому не может о ней говорить. Единственный, кто мог бы говорить (и говорил) о смерти — это Господь Иисус Христос, Который прошел через тайну, через острие смерти, и воскрес и мог говорить о трагедии смерти со знанием, не доступным никому другому. Возможно, еще Лазарь, а также сын наинской вдовы и дочь Иаира могли бы что-то сказать о том, что испытали, когда пересекли эту грань и были призваны обратно. Но из нас никто не может говорить о смерти, кроме как с позиции веры. А вера — это не легкоеверие, не слепое принятие того, что говорят другие. Автор Послания к евреям говорит в начале 11-й главы, что вера есть уверенность в невидимом (Евр. 11:1). «В невидимом», то есть в том, что нельзя проверить с помощью чувств, и главное слово здесь — «уверенность». В этом отношении мы можем знать кое-что о том, что значит жить и что

² Беседа 14 января 1987 г. Хэмпстед / Пер. с англ. А. Михеева; под ред. Е.Л. Майданович.

значит умирать, потому что знаем о смерти гораздо больше, чем сами осознаем.

Когда мы думаем о человеческой жизни, начиная от рождения младенца и до смерти в преклонном возрасте, мы очень часто представляем себе, что она состоит в постепенном движении вперед, постепенном росте определенных качеств, которые развиваются, расцветают, и забываем, что для того, чтобы перейти на следующий этап физического, интеллектуального, эмоционального развития, в нас что-то должно умереть. Посмотрите на ребенка, на то, как он растет: если ребенок в нем не умрет, из этого детства выйдет незрелый юноша — но не молодой человек, в полной мере обладающий новообретенными способностями. Опять-таки, к сожалению, так часто встречаются взрослые, которые остались подростками, потому что в них не умерло что-то, что им нужно было перерасти, забыть. Поэтому, если мы внимательно посмотрим на себя, мы обнаружим, что знаем из собственного опыта, что значит жить в полную меру того или иного периода жизни и в каком-то смысле умирать и быть способным жить по-иному.

Мы знаем о смерти больше, и об этом я скажу чуть позже. Но я бы хотел обратиться к теме «смерть и дети» с разных точек зрения. Во-

первых, как подвести ребенка ко встрече со смертью. Во-вторых, как нам самим быть перед лицом смерти ребенка.

Я бы хотел для начала процитировать стихотворение немецкого поэта Йозефа фон Эйхендорфа, которое он написал на смерть собственного ребенка:

Вдали часы пробили,
Уж полночь настает,
В дрожащем свете лампы
Твоя кроватка ждет.

И только ветер стонет,
Дом обходя вокруг;
Мы здесь одни, мы слушаем
Снаружи каждый звук.

Как будто мог тихонько
Ты постучаться в дверь,
Как будто заблудился ты
И вот, пришел теперь.

Мы бедные безумцы,
Нам страшно, нам темно,
Мы заблудились, а не ты —
Ты дома уж давно³.

³ Перевод А. Михеева.

Так воспринимает верующий смерть собственного ребенка. Он имеет право говорить так, потому что говорит не о смерти детей вообще, а о собственной утрате.

В Великобритании люди не решаются говорить о смерти и не хотят думать о ней. В последнее время это не так явно, и все же очень часто это именно так. Кажется, будто смерти не должно существовать. С богословской точки зрения это действительно так, но, говоря по-человечески, многие реагируют на смерть, будто умершему не следовало бы так поступать по отношению к друзьям и родственникам. Но если с кем-то это все же случилось — за такой проступок его нужно сдать специалисту, занимающемуся смертью: сотруднику похоронного бюро или священнику. Либо следует забыть о смерти и сосредоточиться на прошедшей жизни, благодарить Бога за то, чем они были, какую сыграли роль, какой дали пример, говорят с большей или меньшей уверенностью о нашей общей надежде на воскресение, не доходя до порога смерти, до самого ее острия. С этим я однажды встретился в особенно трудной ситуации несколько лет назад.

В одном английском городе умерла горячо любимая бабушка. Ее сын, русский, женатый на англичанке, позвонил мне и попросил приехать.

Первое, что я заметил, когда приехал: детей в доме нет. Я спросил, где они, и мне ответили: «Разумеется, мы их отослали. Им нельзя оставаться в доме, где лежит покойница». — «Почему?» — «Потому что они знают, что такое смерть». Я подумал, что они знают гораздо больше, чем я, и гораздо больше, чем их родители, и сказал: «Так что же именно они знают о смерти?» — «О, они знают, что такое смерть. На днях они видели в саду крольчонка, которого разорвали кошки». Я сказал: «Значит, вы хотите, чтобы ваши дети думали, что это и есть смерть? Чтобы, когда кто-то умрет, они представляли себе вот это? Чтобы, когда они идут на похороны, они думали, что в гробу этот невыразимый ужас?» — «Ну а чего вы хотите?» Я сказал: «Они должны понять, что такое смерть во всей ее глубине и красоте. Вы должны вернуть детей». У нас вышел настоящий русский спор по этому поводу, но, как видите, мы остались живы. Детей вернули, но мне сказали, что у них будет нервный срыв, что они никогда не оправятся от этого, что это отметит их на всю жизнь и что в этом будет моя вина. Я сказал: «Хорошо». И детей вернули. Одному было семь, другому восемь или около того. И я сказал им: «Ваша бабушка умерла». — «Что это значит?» Я ответил: «Несколько вещей. Во-первых, вы помните, как она

была прикована к постели несколько лет и страдала от жуткой боли день и ночь. Теперь она не страдает телом. И во-вторых, она часто говорила вам, что очень хочет снова встретиться со своим мужем, который давно умер. Теперь она с ним и с Богом». И один из детей сказал: «Значит, она счастлива». Я сказал: «Да, счастлива. Ваши родители несчастны, но она счастлива. Хотите увидеть ее?» — «Да». Мы пошли в комнату, где лежала старушка. Она была очень красива в свои восемьдесят с лишним лет; она много страдала в жизни и очень трудно переносила болезнь, от которой умерла, промучившись несколько лет от боли. Теперь она лежала на кровати, умиротворенная, тихая; все страдание ушло с ее лица, все муки прошли, в комнате была тишина смерти. И я помню, как девочка сказала мне: «Какая она красивая!» А мальчик сказал: «Так это и есть смерть?» И я ответил: «Да».

Конечно, не всякая смерть такова. Бывают аварии, несчастные случаи, убийства, есть война, но есть и это. Можно увидеть в смерти глубинную суть, а все остальное воспринимать как исключения; и ко всему остальному тоже можно относиться с учетом конкретных обстоятельств, потому что одно дело — быть убитым, а другое — отдать свою жизнь.

Во Франции во время немецкой оккупации для прикрытия своей работы в Сопротивлении я преподавал в русской школе. У меня была ученица — обыкновенная, непримечательная девочка, хорошая девочка, но не более того. Однажды во время обстрела бомба попала в их дом, все спаслись, пересчитали друг друга и обнаружили, что одна старушка не вышла из дома, который уже загорелся. Девочка, не задумавшись, пошла в огонь, чтобы спасти старушку, и не вернулась. Это трагическая смерть. Если представить, как выглядело ее тело, когда его извлекли, физической красоты в этом не найти; но это было проявление, провозглашение величия духа. Даже то, что это тело пострадало и обгорело, свидетельствовало о чем-то великом и позитивном.

Так что можно показать ребенку смерть и дать посмотреть на нее. Как я уже сказал, я не поведу ребенка в морг смотреть на тело, изуродованное при аварии. Но это исключение, обычно смерть не такова.

Я всегда ценил, что в нашей Православной церкви гроб на похоронах открыт. Тело приносят в гробу сразу после смерти или как только это смогут сделать сотрудники похоронной службы, и оно остается там до похорон. Это может быть несколько дней, может быть и больше, в зави-

симости от обстоятельств. И все приходящие в храм подходят к гробу, молятся и целуют умершего, прощаясь с ним. В день похорон заупокойная служба совершается также вокруг открытого гроба и также бывает этот прощальный поцелуй.

Я служу священником в Лондоне почти сорок лет и видел много похорон, потому что все наше старшее поколение уже умерло. Я приводил попрощаться с умершими всех детей, приходивших в храм, и их реакция всегда была одинаковой: «Каким спокойным он выглядит, как красиво ее лицо. Можно мне поцеловать ее на прощание?» Единственно — нужно обязательно предупредить: «Да, можешь поцеловать его (или ее), но тело будет холодным, потому что тепло — признак жизни, а холод — признак смерти». Иначе ребенок испытает шок от неожиданности; неожиданное всегда, во всех обстоятельствах вызывает шок и у старых и у молодых. Но это знакомство со смертью есть нечто очень важное, что мы утратили в городах, потому что не видим смерти.

Мне довелось встретить священника, который за всю жизнь не видел мертвого тела. И когда я спросил его — а он был человеком моего поколения, заставшего войну; он на войне не был, поскольку был где-то на приходе, но это та же возрастная группа, — он ответил: «Я помо-

гаю человеку, пока могу общаться с ним. Потом, когда словесное общение уже невозможно, я совершаю священнодействия, помазываю его елеем, причащаю, пока возможно. А потом, когда я уже ничего не могу сделать, забота о нем переходит к врачу, медсестре, семье. Потом однажды мне говорят, что человек умер. Ну, я посещаю семью, потом в храм приносят гроб». Но есть один очень важный, очень значительный период, который крайне редко видят и миряне, и священники, и даже врачи. Потому что то, что я сказал об этом священнике, относится и к очень многим врачам, которые занимаются пациентом, пока могут что-то сделать, а потом передают дело медсестрам и приходят, только чтобы засвидетельствовать смерть и выдать об этом документ. Но тот период, когда человек умирает и когда он нашел покой в смерти, очень многие не видят.

Я говорю вам об этом, хотя кажется, будто это не имеет отношения к теме «дети и смерть», потому что невозможно донести до ребенка что-то, чего еще не понял сам. Мы не можем рассказать ребенку о жизни, о процессе умирания, о самой смерти, об участии тела, если сами не прошли через некоторые эмоциональные и интеллектуальные состояния. Этого нельзя выдумать, вообразить, прочитать в книгах. Это нужно прожить.

Я видел достаточно умирающих людей, потому что я пять лет был хирургом на войне, и вокруг умирали многие. И вот что очень меня поразило: умирание пугает людей, потому что они чувствуют, что будут умирать в одиночестве. Я приведу вам два примера. Первый — немецкий солдат, которого привезли в наш госпиталь; он был в сознании несколько часов, а потом впал в бессознательное состояние. У нас был очень молодой лютеранский пастор, который вышел из его палаты в слезах и сказал: «Это ужасно — я не могу больше говорить с ним, я ничего не могу сделать для этого умирающего». Я был молод, немного за двадцать, и резок, и я сказал ему: «Не дури. Возвращайся в палату, сядь рядом с умирающим и читай ему вслух по-немецки Евангелие, начиная с рассказа о воскрешении Лазаря». И он три дня так и делал, конечно, не сутки напролет, но в течение трех дней он читал умирающему Евангелие. Перед своей смертью этот человек очнулся и сказал мне: «Так чудесно было чтение Евангелия. Я не мог подать никакого знака, что я воспринимаю, слышу его, но я слышал каждое слово, и теперь могу умереть с миром». И это понял не только умирающий, но также и молодой священник. А я получил подтверждение тому, во что верил на основании собственного опыта.

Вот другой пример про молодого солдата. Он умирал; я пришел к нему вечером, сел рядом и спросил: «Тебе страшно умирать?» Он ответил: «Умирать я не боюсь, но я боюсь умирать в одиночестве». Я сказал: «Ты не умрешь в одиночестве. Я останусь с тобой». Он сказал: «Да, но, во-первых, вы не можете просидеть всю ночь, а во-вторых, я все равно этого знать не буду». И я ответил: «Да, я буду сидеть всю ночь, и ты будешь это знать, потому что пока ты сможешь смотреть на меня и говорить, мы будем беседовать; когда ты уже не сможешь ничего сказать, ты будешь меня видеть. Когда ты почувствуешь, что слишком слаб или устал, ты уснешь и будешь держать меня за руку, ты сможешь сжимать мне руку, когда захочешь, и тогда ты умрешь, зная, что ты не один». Так и произошло: он держал меня за руку, сжимал ее время от времени, потом его рука похолодела и ослабла, и он умер, но он умер не в одиночестве.

Я думаю, для нас крайне важно пройти через такие ситуации, если мы хотим знать, как рассказывать детям о смерти, — рассказывать ясно, конкретно, но не вызывая жуткого впечатления, будто это просто разрушение, конец, безнадежный распад. С другой стороны, нельзя представлять смерть ребенку, да и взрослому, в каком-то розо-

вом свете. Этого никто не может принять, потому что, когда подходишь к человеку, потерявшему близкого, и говоришь: «Разве вы не знаете слов Христа: ”Я есмь Воскресение и Жизнь?“ Разве вы не знаете того-то и того-то?» — сказанное таким образом не доходит до вашего собеседника. Его боль такова, что подобные слова и цитаты, которые он знает не хуже вас, не воспринимаются им живительно. Все, чем мы можем с человеком поделиться, — это наша вера. Не пытайтесь разделить с человеком его муку. Глубоко сострадать ему, чувствовать боль за него и вместе с ним, но делать это из своей непоколебимой веры, потому что очень часто другому нужна поддержка нашей веры. И это относится к ребенку, потерявшему родителя, возможно, больше, чем ко взрослому, потому что ребенку нужно ощущение безопасности, а ощущение безопасности приходит от вашей веры, от вашей собственной устойчивости перед лицом смерти в гораздо большей степени, чем от того, что вы можете сказать о смерти и умирании.

Дети тоже могут пройти через ситуации, позволяющие им постичь опыт смерти. Я сейчас говорю не о том, чтобы оказаться рядом с умирающим или тем, кто уже умер и теперь является спокойствие, безмятежность, красоту смерти.

Мне кажется, в разном возрасте мы воспринимаем смерть очень по-разному. В детстве — я говорю сейчас о мальчиках, но думаю, что у девочек должен быть сходный опыт, — мы все играем в войну; вот играют две команды, и один из мальчиков кричит: «Пиф-паф! Падай, ты убит!» Другой мальчик падает, он «убитый»; он лежит ничком и изо всех сил старается быть «мертвым». Но поскольку в его теле нет ничего, кроме возбуждения от игры, через некоторое время он кричит: «Я уже достаточно был мертвым, теперь твоя очередь. Пиф-паф! Ты убит!» Звучит очень поверхностно и смешно, но этот опыт — быть убитым и чувствовать себя полностью, в высшей степени живым, способным вскочить и продолжить игру, — больше всего соответствует воскрешению Лазаря. Это то, как ребенок может воспринять смерть, потому что смерть — это не он, он — жизнь, и все же он погружается в эту ситуацию, и иногда впечатлительный ребенок может настолько погрузиться в ситуацию, что совершенно столбенеет от ужаса. Помню, как мальчик лет восьми-девяти, игравший в такую игру, спрятавшись за кустом и не мог пошевелиться, потому что говорил: «Меня убьют». И тогда я взял его, и мы стали играть одну роль вместе, и он обнаружил, что может включиться в игру. Так опыт этой

игры научил его, что он может внутри игры воплощать и жизнь и смерть, — а он думал, что это невозможно. Позже, разумеется, он стал гораздо более зрелым и уже мог относиться к проблеме смерти не с тем ужасом, который у него был сначала, а с осознанием того, что он испытал.

А вот пример уже из взрослой жизни: когда человек оказывается на войне и идет в бой с убеждением, он может чувствовать: да, меня могут убить, но я отдаю свою жизнь, ту жизнь, которую я имею право и возможность отдать, отдаю ее свободно и осмысленно, чтобы защитить идею, страну, семью, человека — что бы то ни было. Очевидно, это относится и к тому, чтобы защитить другого человека от разбойников и грабителей; то же чувство: да, я отдаю свою жизнь, меня могут убить, но это торжество жизни, а не ее поражение. Я думаю, очень важно это понять, потому что пока мы не поймем положительной роли смерти в нашей жизни, мы не сможем ничего передать о ней ребенку.

Вы знаете, что древние авторы часто говорили: «Помни о смерти». Когда говоришь это современному человеку, он реагирует так: «Что вы имеете в виду? Вы хотите сказать, что тень смерти должна висеть надо всем, как туча, убивая всякую радость, омрачая самый яркий день?» Древ-

ние имели в виду не это. Они хотели сказать, что если ваша жизнь не соответствует мере смерти, это жизнь «в половину». Французский писатель Рабле сказал: «Я готов стоять за свои убеждения вплоть до повешения — исключительно»; это означает, что он не был готов отстаивать свои убеждения, потому что, окажись испытание слишком трудным, он бы отказался от них. Только тот, кто может сказать: «Я готов умереть за то, во что верю, или за то, чем я являюсь, или за тех, кого я люблю», тот может жить с полным дерзновением; а тот, кто не живет с полной отдачей, не может иметь жизни с избытком, его жизнь течет тонкой струйкой, он все время, словно кролик, прячется от смерти, прячется от опасности, сталкивается с опасностью и смертью, только когда смотрит фильм или читает книгу, где можно прикоснуться к опасности, в то же время ощущая безопасность реальной ситуации. Очень важно осознавать, что только готовность встать лицом к лицу со смертью позволяет нам жить в полную силу. И только если мы способны донести это до ребенка или подростка, мы можем помочь ему смотреть в лицо действительности. Я помню, как отец встретил меня однажды после каникул в лагере и сказал: «Я беспокоился о тебе». Я ответил: «Ты что, боялся, что я сломал себе шею?»

«Нет, — сказал он, — я боялся, что ты мог потерять свою цельность». И прибавил: «Помни: жив ты или мертв — не имеет значения. Важно, ради чего ты живешь и ради чего ты готов умереть».

И я думаю, что если бы мы с самого раннего возраста воспитывали в детях понимание того, для чего живет человек и для чего он готов жить до последнего предела, они бы могли по-другому относиться к жизни и к смерти. Это тайна настоящего момента. В житии католического святого XIX века Жана-Батиста Вианне, известного как Арский кюре (он жил во Франции около Лиона), упоминается мальчик, которого он встретил, когда тому было лет девять; ребенок страдал от тяжелой болезни, но был спокоен и безмятежен. Кюре спросил мальчика: «Как тебе удается сохранять такое спокойствие и мир?» И мальчик ответил: «Отец, я научился не страдать от вчерашней боли и не ожидать завтрашней». Он понял, что если собрать всю свою жизнь в настоящем мгновении, тогда можно смотреть в лицо действительности. И я думаю, что когда дети болеют — не когда речь идет о смерти, но при каких-то легких болезнях, небольших жизненных несчастьях, — их можно научить проживать настоящую минуту с чувством победы, одерживая верх над тем, что приносит настоящая минута. Помогать, об-

легчать ситуацию нужно только тогда, когда ребенок или взрослый уже не может сам противостоять ей и сам одерживать верх, но не когда это только еще предвосхищение возможного страха, возможной боли.

Перед родителями, которые потеряли ребенка, проблема стоит так: они верят в вечную жизнь или нет? Если вечная жизнь есть, то ребенок вошел в нее чистым, незапятнанным, открытым для Бога; если они не верят в вечную жизнь, тогда не знаю что сказать. Вернее, если бы люди были последовательны в своем неверии и могли сказать: «Что ж, это естественный процесс, ребенок умер, но он будет жить вечно в природе. Составные элементы его тела вернулись в вечный круговорот жизни природы», тогда они могли бы с этим справиться. Но очень немногие неверующие не верят до такой степени. Большинство неверующих чувствуют... хотя если нет Бога, если нет вечности — что я должен чувствовать? Если разобраться логически — ничего. Но здесь не логика, здесь эмоция, чувство; я неожиданно обнаружил: меня нет, я не существую, я мертв. Но если нет вечности, нет и возможности делать такие открытия. Это можно исключить логическим путем, но в своем экзистенциальном опыте с этой дилеммой сталкиваются многие верующие и не-

верующие. Когда умирает ребенок, переживание утраты может быть очень болезненным и сложным; одна из причин в том, что по большей части люди закрывают глаза на возможность смерти, и, когда она приходит, это поражает их, как гром среди ясного неба. Те, кто изучал проблему переживания утраты, настаивают, что утрату нужно проживать постепенно, пока смерть человека еще только отдаленное будущее; нужно свыкнуться с тем, что этот человек умирает, однако еще жив. Я могу относиться к человеку как к живому, понимая, что процесс умирания уже идет.

Я сейчас хочу рассказать нечто личное. Моя мать умирала от рака в течение трех лет. Она была дома после неудачной операции, она знала, что умрет, потому что я сказал ей. Мы жили с этим; иногда при мысли о ее приближающейся смерти мне было очень тяжело. Тогда я шел к ней в комнату, садился на полу у ее кровати и говорил: «Мне плохо»; я клал голову ей на подушку, и она давала мне мужество смотреть в лицо ее смерти. Бывали минуты, когда ей было тяжело из-за предстоящей разлуки. Она любила жизнь даже в моменты страшной боли; она мне однажды сказала: «Если бы мне пришлось так страдать полтора года, я бы приняла страдания, чтобы только жить». И в эти моменты она звала меня.

Эта странная ситуация: ты смотришь в лицо смерти вместе с тем самым человеком, который умирает, но еще жив, и именно это позволяет переживать утрату постепенно, поэтапно; а вот внезапную утрату, от которой ты отгораживался — «этого не может случиться, этого не может случиться, этого не может случиться»; и вот это случается и перенести почти невозможно. Я говорю «почти», потому что в конце концов люди переносят и ее, но переносят огромной ценой.

И конечно, по мере того как человек стареет, вместо того чтобы отчаянно искать в нем признаки жизни, выживания, можно честно сказать: «Да, эти составляющие, эти черты тускнеют, уходят: память подводит, разум теряет ясность, реакции уже не те, физически человек не может делать то, что раньше» — и смотреть на это не с ужасом, а как на раскрывающуюся тайну того, что происходит с любимым человеком, тайну, которая не есть постепенный распад личности, но которая похожа на цветок: он открывается, расцветает в полноте, и затем лепестки начинают опадать. И я думаю, это справедливо не только по отношению к другим, но и к самим себе. Я могу говорить об этом, потому что мне уже за семьдесят, мне не сорок, я не чувствую себя физически, интеллектуально так же, как в прошлом. И это дивное чув-

ство: да, живым остается чуткое сердце, ответная любовь к жизни, к людям, к Богу, а все остальное, второстепенное, будет постепенно слабеть, тускнеть, и останется то, что апостол Петр назвал «сокровенный сердца человек» (1 Пет. 3:4).

Думаю, каждый из нас должен рассматривать собственную жизнь на фоне этой возможности, то есть своей будущей смерти, и не для того, чтобы примириться с ней, потому что это означало бы в некотором смысле принять свое поражение, но посмотреть на нее как на нечто, что произойдет и что будет победой другого рода, победой в другом измерении. И тогда можно говорить о смерти с ребенком любого возраста, и у меня есть такой опыт. Я недавно говорил с тремя детьми в возрасте шестнадцати, четырнадцати и восьми лет о предстоящей смерти их матери. Я поговорил с каждым по отдельности и говорил с каждым по-своему, и вместо того чтобы жить, как раньше, в ужасе от неизвестного, потому что они чувствовали, что что-то происходит, но никто им ничего не говорил, все их отношение неожиданно поменялось, и они творчески живут рядом с этой тайной смерти, присутствующей в их доме уже не как ужас, а как новое измерение, измерение вечности.

Ответы на вопросы

Вы говорили о детях и взрослых, с которыми можно беседовать, что-то им объяснять, передавать свои знания и опыт. Но очень трудно помочь человеку, если с ним нет умственного контакта. Как быть со старыми людьми, утратившими разум, или, к примеру, с психически больными?

Человек, теряющий рассудок от старости, не отличается существенно от того, кто страдает шизофренией или другим психическим заболеванием. Физическое присутствие играет огромную роль. Знаете, когда люди дряхлеют от старости, они часто остаются одни, и дряхлеют еще больше, потому что остатки их жизненной энергии, их интеллекта, их способности чувствовать остаются без применения и потому вымирают гораздо раньше, чем должны бы. Поэтому, когда человек постепенно теряет память, остроту ума и так далее, мы должны находить время сидеть рядом, говорить, общаться с ним настолько глубоко, насколько это еще возможно, не пытаясь вернуть человека в ситуацию, с которой он не в состоянии

справиться, не требуя того, что выходит за пределы его возможностей, потому что это порождает отчаяние и ломает человека; оставаясь на уровне человека, но используя возможности общения, контакта, визуальной поддержки. Это первое.

Если говорить о шизофрении и в целом о психических заболеваниях, меня очень поразили два примера. Когда я работал во французской психиатрической больнице, я встретился с американским психиатром и имел возможность говорить с ним о душевных заболеваниях. И он рассказал мне следующую историю. Когда он проходил обучение, был один шизофреник, содержащийся в обитой войлоком камере. Профессор сказал студенту: «Идите и сидите с этим человеком столько, сколько выдержат ваши нервы». Молодой человек спросил: «А как долго?» Тот ответил: «Четыре-пять часов в день». — «Но зачем?» — «Просто сидите». Этот молодой студент сидел там некоторое время, столько, сколько мог вынести. Потом он убежал и сказал профессору: «Больше не могу!» И тот ответил: «Что ж, это единственное лечение, которое мы можем предложить этому человеку. Значит, вы отказываете ему в лечении». Тогда студент снова попробовал сидеть с ним и делал это на протяжении трех недель, и в конце этих трех недель пациент, кото-

рый был полностью замкнут, повернулся к нему и заговорил.

У меня был такой же опыт, тоже во Франции, с человеком, который несколько недель был в больнице и не отзывался ни на что: ни на вопросы, ни на предложения, — он просто молчал. Я сказал его врачу: «Вы не возражаете, если я просто посижу с ним?» Тот пожал плечами. Тогда я так и сделал в свой выходной день, чтобы ему было все равно, что я делаю. И вот я сел и стал смотреть на этого человека. Он тоже сидел, и мы смотрели друг на друга. Помню, я просидел около десяти часов, я человек терпеливый. И в конце этих десяти часов он неожиданно сказал: «А почему вы здесь сидите?» Я ответил: «Потому что мне нравится сидеть рядом с вами». — «А почему?» И мы продолжили разговор, и это было началом излечения. Я не хочу сказать, что можно лечить шизофреников, просто проводя с ними время, — я не настолько глуп; но я хочу сказать, что очень многих людей можно было бы уберечь от постепенного ослабления их сознания и эмоциональной сферы, если сидеть рядом с ними и не считать, что человек, которого кормят, моют, о котором заботятся, уже получает все необходимое. Нет, людям нужно общение, им нужна человечность, и когда кажется, что человек вообще не

способен общаться, если вы просто сядете и поддержите его за руку, вы что-то сделаете для этого человека. Он, скорее всего, не скажет вам об этом, но может наступить момент, когда этот человек отзовется, и тогда вы узнаете, что не зря потратили время, просто сидя рядом. Если подумать о том, что мы все равно теряем время, почему бы не потерять его с пользой. Почему бы не сидеть и думать о своем — важном или неважном — рядом с человеком, которому нужно наше физическое присутствие и наша рука, вместо того чтобы думать о чем-то своем, сидя в кресле перед телевизором, который мы даже не смотрим? Боюсь, это все, что я могу сказать по этому поводу.

Если знаешь, что ребенок неизлечимо болен, понимаешь, что его нужно подготовить к неминуемому концу, но как это сделать?

Знаете, я думаю, мы не можем научить людей умирать. Но мы можем помочь человеку постепенно возрастать в ощущение вечности, ощущение столь убедительное, что вопрос об умирании становится по большому счету неважным. Я дам вам пример, связанный со смертью взрослого, но его же можно с некоторыми изменени-

ями применить к ребенку или подростку. Один из наших прихожан, проживший очень трудную, полную страданий жизнь, попал в больницу с желтухой. Оказалось, что у него неизлечимый рак, ему об этом не сказали, сказали его сестре и мне. Я пошел навестить его. Он лежал на кровати, как обычно, если не считать того, что был желтого цвета. И он мне сказал: «Вот задача, у меня столько дел, а я тут лежу и ничего не делаю». Я ответил: «Как часто вы мне говорили: “О, как бы я хотел остановить время и *быть*, вместо того чтобы *делать*”. Но вы никогда так не поступили, и вот промысел Божий сделал это за вас. Попробуйте *быть*». Он посмотрел на меня и сказал: «А я этого не умею». Задайте себе вопрос: умеете ли вы *быть*? Знаете ли вы, как ощущать полноту жизни без всяких подпорок и поддержек, без какой-то деятельности, которая или подтверждает, что вы и в самом деле живете, или придает вам этот импульс, ощущение жизни. Он спросил: «Но как?» Я ответил: «Знаете, болезнь и смерть обусловлены вещами двух родов: материальными обстоятельствами вроде микробов или рака и совокупностью того, что называется отрицательными мыслями: обидой, злобой, жадностью, подозрительностью, ненавистью. Сейчас ваше тело в руках докторов и вы в любом случае

ничего не можете с ним сделать, но ваши мысли, ваша душа — в вашей власти. Начните с этой минуты и спросите себя: какие отрицательные мысли, эмоции, желания у вас есть, какие отрицательные отношения вы построили; исправьте все это». Он провел некоторое время, исследуя свое состояние и действительно исправляя все: примиряясь с теми, с кем был в ссоре, и тому подобное; и в первую очередь исправляя собственное отношение, потому что очень просто сказать: «Послушай, прости меня, я был груб с тобой», но простить внутренне — это совсем другое. И мы работали над этим. Затем мы стали двигаться все дальше и дальше в прошлое — я уже говорил, что он много страдал, с ним обошлись очень жестоко, во время революции он был в концентрационном лагере и так далее, — но он постепенно примирился со всем. И я помню, как незадолго до своей смерти он лежал в постели, прозрачный, с большими светящимися глазами, такой слабый, что даже не мог сам принимать пищу. И он сказал мне: «Отец Антоний, я не знаю, как объяснить это, но мое тело почти умерло, а я никогда не чувствовал себя настолько живым, как сейчас».

И то же можно сделать в отношении ребенка: не говорить те же слова, но помочь ему изгнать из своей жизни все отрицательное, всю агрессию,

всю обиду, даже обиду по поводу собственной болезни, даже обиду на то, как его лечат, боль от уколов или от того, что кто-то не сидит с ним постоянно. Помогите ему обнаружить, что внутри у него есть глубина и полнота, интенсивность жизни, которая не зависит от обстоятельств. Я знаю, что излагаю это очень кратко и в таком изложении сложно понять, что именно нужно сделать, но в некоторых пределах это возможно. Не всегда можно привести человека, взрослого или ребенка, к состоянию успокоенности, но всегда можно сделать так, чтобы он относился ко всему как боец, а не как жертва, и в этом огромная разница; потому что пока вы боец — вы не побеждены. В тот момент, когда вы становитесь просто жертвой, все отрицательное охватывает вас: «Почему я?»

И очень важно, чтобы родители и окружающие помогали ребенку в этом отношении, а не внушали ему ощущение его несчастья, передавая ему собственную обиду: *мой* ребенок болен. Я помню одну замечательную бабушку, у которой умер внук. Она тогда сказала мне: «Я больше не верю в Бога. Нас учили, что если попросить у Него чего-то с верой, Он это исполнит. Я просила Его спасти моего внука, и вот ребенок умер». Я сказал ей: «Послушайте, а вас не смущает, что

миллионы детей умерли до вашего внука?» Она посмотрела на меня и ответила: «Какое мне дело? То не был *мой* внук». Знаете, родители иногда думают так, возможно, не в столь грубом виде и не все осмелятся так выразиться. Но где-то в подсознании есть такая мысль: да, конечно, в советских концлагерях, в немецких концлагерях, в Африке, в Азии и так далее люди умирают, это понятно, это обычно в тех странах, что взять с иностранцев? Этого не должно случиться с *моим* ребенком... И пока у родителей такое отношение, конечно, оно передается и ребенку, потому что ребенок и даже взрослый воспринимают и то, что не высказано, особенно ребенок, потому что он зависит от окружающей его атмосферы, опирается на нее.

Как объяснить ребенку, почему его маленький друг или подруга умерли жестокой смертью?

Я думаю, это зависит от вашей веры, от вашей собственной убежденности. Я не колеблясь, сказал бы, что вечная жизнь — цель всей нашей земной жизни, и Бог сохранил его от многих лет труда и борьбы, а порой несчастья и зла и принял его сейчас. С другой стороны, другим детям

можно сказать что-то подобное тому, что пишет в одной из книг католический писатель Жан Даниелу. Он говорит, когда кто-то становится жертвой, он обретает Божественную власть прощать, и этот убитый мальчик или девочка стоят сейчас перед Богом во славе Божией, в покое Божиим, и Бог спрашивает его: «Можешь ли ты простить, или этот человек должен быть проклят?» Этот ребенок получил власть прощать, подобно Христу. Вот все, что мне сейчас приходит на ум.

Мы всегда говорим о том, что родители страдают от потери ребенка, но ребенок умер, он тоскует по родителям.

Нет, я не думаю, что этот ребенок скучает по родителям, потому что не верю, что между ушедшими и теми, кто живет на земле, есть какая-то пропасть. Мы не видим и не ощущаем их, но они в Боге, Который есть Бог живых, а не мертвых, и они могут смотреть на своих родителей или тех, кого они знали на земле, и видеть их с той зрелостью, которая есть полнота вечности, видеть их и понимать их из недр Божиих, вместе с Богом, и молиться за них, и быть готовыми принять их, возможно, в состоянии большей зрелости, чем их родители достигнут в своей земной жизни.

В разных религиях представление о смерти отличается в зависимости от того, какого бога люди себе воображают. В христианстве Бог воплощается, живет и принимает смерть, как человек, потом воскресает, и христиане исходят из этого представления. В других религиях люди создают другие представления...

Я не думаю, что Бога можно придумать. Тому, у кого есть какое-то представление о Боге, Бог уже открыл Себя в большей или меньшей степени. Поэтому я верю, что любой верующий человек в мире, к какой бы религии или конфессии он ни принадлежал, — это человек, которому явился Бог. Я не говорю о видениях, но об ощущении Его присутствия. Знаете, я иностранец и поэтому, наверное, ищу значение слов в словарях чаще, чем вы. Но если вы откроете хороший этимологический словарь, вы увидите, что в английском и немецком слово «Бог» (God; Gott) происходит от готского, древнегерманского корня, который означает «Тот, перед Которым падают ниц в благоговении». Для меня сказать, что Бог есть, означает, что в какой-то момент я, или мое племя, или моя религиозная группа почувствовали присутствие Бога, и мы не могли Его не почитать, не по-

клоняться Ему. И что бы ни добавить к этому с точки зрения интеллектуальной проработки, в основе лежит опыт — личное знание Бога и поклонение Ему.

Поэтому я думаю, что не существует религии, которой неведом Бог. Насколько философия, богословие этой религии близки христианству или далеки от него — другой вопрос <...>

И я верю, что каждый, кто говорит: «Я знаю, что Бог существует, потому что встретил Его», встретил так ярко, ясно, как апостол Павел или как дуновение вечернего ветра в рассказе о пророке Илии, — знает Бога. Те завесы, которые мы создаем, не могут разрушить этот основоположный опыт. Но добавлю: невозможно свести христианскую веру просто к одному из верований человечества, потому что она основана на историческом событии, на том факте, что Бог стал человеком, и что Иисус Христос есть Воплощенный Бог, и что Воплощение — это космическое событие, которое является несомненным фактом, признаем мы это или нет. И это, как я думаю, пробный камень для христианства.

Почему Вы придаете в христианстве такое значение именно Воплощению?

Знаете, есть одна сторона Воплощения, которую никогда не подчеркивают и которая, на мой взгляд, важная. Когда Бог творит мир и дает Своим созданиям свободу, Он дает им возможность использовать ее правильно или злоупотребить ею, но на этом не останавливается. Если бы это было все, если бы Бог создал нас и ожидал у выхода, чтобы судить нас за то, что мы сделали со свободой, о которой никогда не просили, и с существованием, которое мы не определяем самостоятельно, я бы не смог уважать такого Бога. Я мог бы Его бояться, я мог бы Его любить, если бы у меня были на то причины, но уважать — нет, потому что я бы чувствовал, что Он дважды совершил несправедливость: Он создал меня помимо моей воли, Он дал мне возможность погибнуть и действительно отвергает меня за то, что я пошел по одной из двух дорог, которые Он мне предложил.

Но в Воплощении меня поражает, что, став человеком, Бог принимает на Себя ответственность за Свой акт Творения и полную ответственность за дар свободы и все его последствия. Он соглашается войти в мир, который мы создали,

злоупотребив этой свободой. Он принимает все его ограничения, Он принимает все его искажения, Он принимает все последствия человеческого греха, не участвуя в грехе. Он живет под грехом и Он умирает от него, и в этом смысле я могу уважать Его и я могу принять, что этот Бог отзывается на ситуацию, в которой оказался человек, а не только наблюдает за ней.

Когда я думаю о рождении Христа в Вифлееме, я действительно вижу в этом образ того, что такое любовь. Есть икона Рождества, написанная в Греции в ранние века, которая изображает совершенно темную пещеру, вола и осла, но вместо яслей — жертвенник из розового камня, на котором лежит Младенец. Он рожден на смерть, и на смерть жертвенную. И этот Младенец показывает нам, что есть любовь Божия: она отдается безоговорочно, она до конца уязвима, она совершенно беззащитна. «Делайте со Мной, что хотите», — говорит Бог. В каком-то смысле Бог бессилен, потому что, даровав нам право определять судьбу человечества, Он позволяет нам это делать, но Сам входит в историю и принимает на Себя все последствия. Поэтому Он рождается в смерть, которая ждет каждого ребенка и каждого человека. Вот мой ответ на проблему бессилия Бога; Он отдал Свое творение в седьмой день, но

не покинул нас. Он снова вошел в мир как жертва, и поскольку Он является жертвой человеческого греха, ненависти, жадности и прочего, Он имеет власть прощать, как я уже говорил раньше.

СОДЕРЖАНИЕ

Страдание и смерть детей	3
Как подвести ребенка к встрече со смертью?	15

Антоний, митрополит Сурожский

ДЕТИ И СМЕРТЬ

Перевод с английского

Редактор Р. Адамянц

Подготовка издания Е. Садовниковой, Т. Семчишиной

Верстка Е. Владимирской

Дизайн обложки Е. Коврижных

Корректоры Л. Ким, Е. Кудряшова

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Тел.: 8 (903) 543-88-19

www.mitras.ru

E-mail: esadovnikova@yahoo.com

fondmas1@yandex.ru

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

119048, Москва, Кооперативная ул., д. 10, кв. 12

Тел.: 8 (965) 372-57-72

www.hospicefund.ru

E-mail: fund@hospicefund.ru

— Для заметок —

— Для заметок —